

Повести и рассказы // Государственное издательство художественной литературы, Москва, 1956
FB2: , 20.07.2010, version 1.0
UUID: FBD-66D5CB-DC31-F64E-64A3-51DB-26A9-18F0EC
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Викентий Викентьевич Вересаев

В мышеловке

**Викентий Викентьевич
Вересаев**

В мышеловке

Была глубокая ночь. Ярко и молчаливо сверкали звезды. По широкой тропинке, протоптанной поперек као-ляновых грядок, вереницею шли солдаты. Они шли тихо, затаив дыхание, а со всех сторон была густая темнота и тишина. Рота шла на смену в передовой люнет. Подпоручик Резцов шагал рядом со своим ротным командиром Катарановым, и оба молчали. Резцов блестящими глазами вглядывался в темноту. Катаранов, против обычного, был хмур и нервен; он шел, понурив голову, кусал кончики усов и о чем-то думал.

Шаг за шагом, все дальше назади оставались окопы, где вокруг были свои, где чувствовалась связь со всеми. От мира и жизни рота как будто отходила в одинокий, смертно-тихий мрак. Тропинке не было конца, и, когда они подошли к люнету, казалось, они прошли версты две, хотя до люнета было только семьсот шагов.

Завидев смену, в окопе облегченно зашевелились. Командир вышел из окопа и, расправляя отекавшие ноги, молча протянул руку офицерам. Он тоже был угрюм и зол.

Катаранов шепотом спросил:

— Что хорошего?

— Постреливают... Направо, за могилкою, должно быть, японский секрет. Шагов полтора-раста.

Его солдаты осторожно вылезали из люнета. На носилках вынесли что-то вытянувшееся и неподвижное. Ка-таранов кивнул на носилки и спросил:

— Сколько?

— Один убит, трое ранено... Тише вы, черти! — заши-пел офицер на солдата, который зацепил прикладом за котелок.

Пришедшая рота тихонько размещалась в окопе. Ка-таранов и Резцов тоже спустились вниз.

Назади с глухим шорохом удалялась стена. И каза-лось, — вот порывается последняя связь с миром. Кто-то там сзади сдавленно раскашлялся. И сейчас же где-то сбоку темноту пронзил струистый огонек, по молчаливым полям прокатился выстрел. Люди разом встрепенулись, винтовки в их руках зашевелились.

— Без команды не стрелять! — грозно про-

тянул Ката-ранов.

Еще сверкнули две струйки. Две пули, ноя, пронеслись мимо окопа. И все замолкло. Кольцом сдвинулась вокруг живая, подстерегающая тишина. Она отовсюду смотрела из темноты, и все напряженно вглядывались ей навстречу.

Люнет, который занимала рота, был громко известен во всем корпусе. Офицеры называли его «Сумасшедшим люнетом», потому что, продежурив в нем сутки, два офицера сошли с ума и прямо с позиций были отправлены в госпиталь; солдаты прозвали люнет «Мышеловкой». Для чего он существовал, какое было его назначение, — никто не мог понять. Люнет лежал совсем одиноко в чистом поле, на полверсты вперед от наших позиций и всего за четыреста шагов от японских; с флангов японские позиции загибались вокруг него, а справа и несколько сзади серебристо вдали грозно укрепленная японцами деревня Ламатунь; кроме того, люнет был под косым обстрелом одного из наших люнетов. И отовсюду в него летели пули.

Начальник дивизии рапортом указывал

корпусному командиру на полную ненужность этого люнета, на то, что в любой момент японцы шутя могут перебить всех его защитников. Корпусный положил на рапорте резолюцию: «Умереть в окопах — это значит одержать победу». И все знали, — он очень гордился, что в районе его корпуса линия укреплений выдается вперед больше, чем в соседних корпусах; и все знали так же, что сам он ни разу не рискнул самолично побывать в этом люнете. Японцы спокойно представляли русскому вождю тешить свое честолюбие; наши два раза очищали люнет, и японцы его не занимали; видимо, он был им не нужен и не страшен.

Морозило. Солдаты, сжимая винтовки, пристально вглядывались в темноту. Было очень тихо. И звезды, — густые, частые — мигали в небе, как они мигают только, когда на земле все спят. Казалось, вот-вот прекрасною, прозрачною тенью пронесется молчаливая душа ночи, — спокойно пронесется над самою землею, задевая за сухую траву, без бояз-

ни попасть под людские взгляды. А в этой земле повсюду прятались насторожившиеся люди и зорко вглядывались в темноту.

Резцов глубже засовывал руки в рукава полушубка. Впереди люнета смутно шевелился сухой, несрезанный каолян, слышался шорох его листьев. Отчего они шуршат? И повсюду что-то чернело, осторожно шевелилось и старалось спрятаться в тишину. Вдруг, беззаботно к этой тишине, злобно и хрипло огрызнулась во мраке собака; другая, молоденькая, жалобно завизжала. Там, в каоляне, они гложут неубранные трупы. И опять стало тихо.

Внутри тела мелко и часто трепетала невидная сна-ружи дрожь, воздух выходил из ноздрей прерывистой струей. И Резцов глубже засовывал руки в мех рукавов. Ползли предательские шорохи, их осторожно душила живая, подстерегающая тишина. Вот сейчас эта тишина вздрогнет, разверзнется, и с ярким воплем из нее ринутся на люнет темные толпы. Что тогда делать?

Резцов думал, — и на душе становилось вызывающе-весело и не страшно. Ну, подкрадутся японцы и бросятся в штыки. Ясно, под-

держки сзади не пришлют. Ясно, придется выскочить из окопа и схватиться в рукопашную. И ясно, исход будет один — смерть. Все было ясно и просто. Хотелось беззаботно улыбаться.

Из темной дали, с левого фланга, слабо донесся ружейный выстрел, отдавшийся в горах коротким эхом: та-ах-та!.. Другой, третий, — и затрещала частая, сливающаяся пальба пачками. Тишина кругом еще больше насторожилась, стала еще более жуткою. На темном небе, казалось, вспыхивали слабые отсветы. Пальба трещала спешно и лихорадочно, потом стала ослабевать. Донеслось еще несколько одиночных выстрелов. Замолкло.

Опять еще сердитее огрызнулась в темноте хриплая собака, и еще жалобнее завизжала молодая собачонка, и повизгивала долго, обиженно. Было странно: кругом — огромное, притаившееся, всеобщее ожидание, а тут же, чуждые всему, сосредоточенно копошатся свои отдельные маленькие злобы и обиды.

— Оо-о!.. — Кто-то сладко зевнул в темноте. — Холодно, морозы пошли. Какая-то будет матушка весна-красна?

Солдаты давно уже перестали вглядываться в темно-ту и стояли, — равнодушные, беззаботные к тому, что кругом. Резцов стал себе противен, со своими копошащимися в мозгу, пугливо вздрагивающими мыслями. В этом окопе сошло с ума два офицера, — именно офицера: так же они стояли, так же спрашивали себя: «Что там?.. А что, если?..» А вот кругом люди — равнодушно-спокойные и бездумные, придет миг, и они со свежими, вдруг вспых-нувшими душами схватятся за винтовки.

Резцов пошел сделать обход своей части люнета. Ка-питан Катаранов стоял в середине люнета. Положив го-лову в папахе на руку, он облокотился о бруствер и о чем-то думал. За последние две недели Катаранов стал совсем другим, чем прежде: был молчалив и угрюм, мно-го пил; в пьяном виде ругал начальство, восхвалял япон-ских генералов Куроки, Ояму, Нодзу, оглядывал всех злыми, вызывающими глазами и как будто ждал возра-жений; а то плакал, бил себя кулаками в грудь и лез це-ловаться.

Он очнулся от задумчивости и рассеянно

взглянул на Резцова.

— Ну, что? Не спят у вас люди?

— Нет.

Катаранов опять молча облокотился о бруствер. Резцов пошел к себе.

Медленно двигались по небу звезды, одни заходили, слева из-за сопки появлялись другие. Вдали изредка слышались одиночные выстрелы. Солдаты стояли, неподвижно опершись о винтовки. Временами то один, то другой то-пал озябшими ногами.

Небо над сопками чуть засветилось. Катаранов прошел по окопу и позволил желающим ползти в каолян за топливом и назад, к ручью, за водой.

Солдаты оживились и поползли. Стало весело и жутко. Слышался острый хруст срезаемого каоляна, шепот и сдержанный смех.

Из темноты выделилась фигура солдата с огромною связкою каоляна за плечами. Солдат шел к люнету, согнувшись под тяжестью, медленно и неспешно, как дворник, несущий дрова. Резцов возмущенно следил за ним; всю свою огромную, медленно движущуюся фигуру он как будто намеренно выставлял

себя под выстрелы. И правда, в японских окопах засверкали огоньки, и пули жужжали в воздухе.

— Хренов! Да беги же скорей, чего ползешь! — сердито прошипел Резцов.

Хренов, исполняя приказание, неуклюже пробежал десяток шагов и опять пошел не спеша. Его бородатая, наклонившаяся под связкою голова показалась у окопа.

— Да иди ты скорей, сукин сын! Прыгай в окоп!.. Подстрелят тебя!

— Ни-икак нет! — Хренов медленно влез в окоп. — Пули их, ваше благородие, добрые! — объяснил он Резцову и бросил вязанку. — Ну, ребята, грейся теперь, сколь-ко влезет.

Светлело. Запоздавшие поспешно сползались к люнету. Пули жужжали чаще.

Солдаты разжигали в земляных печурках каолян и кипятили в котелках воду. Беловато-синие дымки вились над окопом. И назад, впереди, у наших, и у японцев, везде закурились дымки. В воздухе запахло гарью, напоминая о тепле и горячем чае. С середины люнета донесся голос Катаранова:

— Ребятушки! Глубже в окопе сидеть. Кро-

ме часовых, не высовываться!

На дне окопа, под лесом торчавших во все стороны штыков, весело копошились черные папахи и нагольные, заглянцевавшие от носки полушубки. Каоляновые стебли в печурках потрескивали.

— Матрехин, где у тебя вода запасена?

— Вон она на краю стоит, в жестянке.

Хренов подошел к жестяному ящику из-под патронов, наполненному водою; посмотрел на посудину, подумал.

— Ну-ка, балтийская эскадра! Иди, покоп-тись! — вздохнул он и бережно поднял посудину.

Солнце выплыло из-за сопок, косые лучи сквозь на-питанный дымом воздух били по заиндевавшим былинкам, по грядам полей. Солдаты пили из кружек чай, острили и смеялись. Низенький и старообразный Василий Матрехин, с отлогим, глупым лбом, отхлебывал из кружки чай, заедал его мерзлым хлебом и недовольно говорил:

— Как, значит, на действительной службе служил я, то был отделенным, н-да!.. А теперь из запаса взяли, ни одного рядового подо

мною нету!

— Ничего, милый, не горюй, — утешал его стройный и худощавый Беспалов, с Георгием на полушубке. — Ты человек женатый. Только знай посиживай тут. А жена уж для тебя дома постарается, целое отделение пока нарождает. Приедешь, будет кем командовать.

Беспалов говорил, и его красивое лицо вспыхивало быстро, как будто светящеюся улыбкою.

Резцов снисходительно улыбался в свои закрученные усики, на душе было немножко одиноко: хотелось, как равному, замешаться в эту кучу тесно жавшихся друг к другу тел, смеяться островам, острить самому.

Катаранов прислал ему приглашение пить чай. Резцов пошел, пробираясь меж жавшихся к стенкам солдат. Часовой оживленно обратился к нему:

— Ваше благородие! Японец орудия перевозит с сопки в деревню. Близко, можно пулей достать.

Резцов выглянул. Всего за тысячу шагов от них, за линией окопов, медленно ехали два тяжелых орудия; ездовые спокойно сидели

на лошадах и даже не оглядывались на их люнет. Чувствовалось полное пренебрежение и презрение.

Мимо уха Резцова коротко зыкнула пуля. Он быстро втянул голову в плечи и поспешил к Катаранову. Катаранов, припав к брустверу, смотрел в бинокль.

— Федор Федорович, видите орудия? — радостно спросил Резцов.

Катаранов оторвался от бинокля. Его глаза смотрели хмуро.

— Вижу.

— Дать бы по ним пару залпов.

— Не дам ни одного выстрела. — Лицо у него было странное — сосредоточенное и серое. — Сядем чай пить! — решительно произнес он.

Они опустились на дно окопа. Катаранов наливал из эмалированного чайника чай.

— Водки нету, здорово бы я сейчас выпил! — вдруг сказал он.

Резцов отхлебывал из своей кружки и с осуждением молчал. Потом не выдержал, встал и посмотрел: орудия скрывались за выступом равнины. Он опять сел. Катаранов с

любопытством спросил:

— Следовало бы их обстрелять?

— Следовало, — сумрачно ответил Резцов.

Катаранов, со злыми глазами, усмехнулся и замолчал.

— Подлецы, сколько сала напустили в воду. Нет, что-бы сполоснуть котелок!.. — Он сердито хмурился, загля-дывая в свою кружку; потом продолжал о прежнем, как будто убеждая самого себя: — Ну, а что бы было? Под-стрелили бы мы пару лошадей, а они бы в ответ в нашу мышеловку, как по клавишам, дюжину шимоз. И весь бы люнетик с ротою полетел к черту. Расстояние до вершков измерено, терпят нас, пока сидим смирно... Ох, тяжело мне!.. — Катаранов с страданием покрутил головою.

Резцов пробирался к себе. Густо шевелились солдаты, к нему оборачивались смеющиеся лица. Пили чай из кружек, грели у печурок руки и ноги. Охватывало беззаботным весельем.

Резцов сел на своем конце. Солдаты поднимались, рас-кладывали на бруствере чайники, котелки, полушубки. И, как только высо-

вывался край папахи, над бруствером сейчас же проносилось несколько пуль.

— Ваше благородие! Имею честь доложить: мой баш-лык ранили... В трех местах!..

Беспалов, с своею быстро проносящеюся по лицу улыбкою, развертывал перед Резцовым пробитый пулями башлык.

— В другой раз, ваше благородие, нужно больше лопат брать для хлеба,— мрачно заметил Хренов.

— Для хлеба?

— Так точно! Никак ножом его не урежешь, замерз.

— Лопатой ударишь, и то одни искры сыпятся, — при-бавил Беспалов.

Было весело. Резцов думал: вот это настоящие солдаты.

—

С запада ровною полосою поднимались густые белые тучи. Оттуда подул ветер. Стало еще холоднее. Солдаты кутались в полушубки. Матрехин, с серьезными, глупыми глазами под отлогим лбом, рассказывал про волчицу, у которой его дядя увез волчат. Он расска-

зывал солидно, томительно-медленно. Солдаты посмеивались, потешаясь над тем, как он рассказывал.

— Щенят этих забрал, потом, значит, — ходу! Дядя-то мой родной, у него я жил... Да... Во весь карьер поска-кал. Глядь, она катит... Н-да!.. Катит. А он, дядя мой родной, домыслил, — мостом не поехал, а через воду по-ска-кал. Я только забыл, целовальник какой был... Ну, хо-рошо! Привез к нашему ко двору...

Недалеко от Резцова стоял на часах Беспалов. Он при-слушивался к рассказу Матрехина и слегка улыбался своим красивым, художавым лицом.

— Глядь, вечер подошел, сели чай пить... А она — орет, дьявол, н-да!.. Зашла с плетня, значит, и давай плетень ломать... Он хочет пойти, сказать нашим, и боится...

Хренов грубо спросил:

— Кто *он*-то?

Солдаты захохотали.

— Да целовальник, я же сказал!.. Н-да... Как раз она, как подскакивает, как приткнула, — вроде как бы на две-надцать голосов закрича-

ла корова...

Беспалов вдруг перестал улыбаться. Его лицо стало строгим и серьезным. На внутренней стороне бруствера комок мерзлой глины щелкнул и распался; потом, по другую сторону Беспалова, тоже что-то слабо хрустнуло, комочки глины посыпались в окоп.

Лицо Беспалова становилось все бледнее и строже. Он переступил с ноги на ногу, немного подался к брустверу и стал рассеянно смотреть в другую сторону. Резцов понял: справа и немного сзади, из занятой японцами деревни, к часовому пристреливались. Новая пуля с сердитым, прерывистым жужжанием рикошетом перелетела через окоп.

— Беспалов, присядь! — взволнованно крикнул Резцов.

Беспалов медленно опустился на корточки.

— Зачем тебе все время стоять? Выглянешь, осмотришься — и садись назад.

— Слушаю-с!

С его лица медленно сходила строго-серьезная тень заглянувшей в глаза смерти. Матрехин продолжал рассказывать. Беспалов

лов прислушивался и опять сдержанно улыбался.

Бело-серые тучи росли и вздувались, из-под них дуло сухим, колющим холодом. Беспалов осторожно поднялся и, сдвинув брови, стал осматриваться.

Вдруг, слабо зазвенев штыком, брякнула о землю упавшая винтовка. Беспалов дернулся, схватился за шею и грузно сел на дно окопа.

Он коротко и тяжело харкал, во рту клокотала крова-вая слюна; грудь со спешным испугом расширялась и на-прасно старалась во-братъ воздуху.

— Кликните скорей фельдшера! — распорядился Рез-цов, стараясь казаться спокой-ным.

Горло было прострелено навывлет, в крова-вых ранках свистел воздух. Фельдшер беспомощно пожал плечами, наложил на шею повязку. Беспалов, с тоскою в мутящих-ся глазах, сейчас же сорвал повязку; он показывал рука-ми, что не хватает воздуху. И в ранках свистело; кровь, пузырясь, поднималась над ранками и алою пеною стека-ла к затылку.

Солдаты молча смотрели. Беспалов метал-

ся на земле, грудь тяжело дышала, как туго работающие мехи. Твори-лось странное и страшное: красивое, худощавое лицо Беспалова на глазах распухало и раздувалось, распухала и шея, и все тело. Как будто кто-то накачивал его изнутри воздухом. На дне окопа в тоске ерзало теперь чужое, не-уклюже-толстое лицо, глаза исчезли, и только узенькие щелки темнели меж беловатых пузырей вздувшихся век.

Подошел Катаранов.

— Помог бы ты ему как-нибудь, — сумрачно сказал он.

Фельдшер опять беспомощно пожал плечами.

— Никак, ваше благородие, невозможно! Только от операции была бы помощь. Кабы в госпиталь его свезть. А тут где же?

Катаранов постоял, засунув руки в карманы полу-шубка.

— Нечего тут, ребята, смотреть!.. Расходись! По ме-стам! — приказал он и, понутив голову, пошел обратно.

Беспалов метался, перекладывал голову со стороны на сторону, из ранок, пузырясь, со

свистом выползала кро-вавая пена. Он распахнул полушубок, расстегнул мундир, разорвал на груди рубашку. И всем тогда стали видны его раздувшиеся белые плечи, как будто плечи жирной женщины. И он все метался, и на лице была смертная тоска.

— За что страдает? Неизвестно, за что! — вполголо-са сказал Хренов, не отрывая глаз от раненого.

Матрехин покосился на Резцова и поучающе возразил:

— Бог, он знает, за что!

И вздохнул.

Бело-серые тучи покрыли небо, кругом стало мрачно; рванул ветер, и из туч посыпалась мелкая, частая крупа. Крупинки металась в воздухе, прыгали по брустверу, по плечам и папахе нового часового. Сухие листья каоляна жалобно ныли вокруг стеблей.

Резцов, скорчившись, сидел в углу окопа и старался не смотреть на Беспалова, которому нельзя было помочь. Солдаты теперь молча сидели, стиснув зубы, — озябшие, угрюмые и ушедшие в себя. И никто не смотрел на Беспалова. А Беспалов, одинокий в своих му-

ках, все хрипел и метался; белые крупинки прыгали по вздувшемуся лицу, и было это лицо странного, темно-прозрачного цвета, как намокший снег.

Сбоку, сквозь разрывы туч, неожиданно сверкнуло солнце. Оно заглядывало на землю в дыру меж туч и весело смеялось, как маленький, непонимающий ребенок. Тучи сердито задернули дыру, кругом опять стало мрачно.

—

Крупа перестала падать; но сделалось еще холоднее. Стыли ноги, холод забирался внутрь тела. Как будто душа сама застывала, было в ней неподвижно и мрачно.

Опять прошел по окопу Катаранов. Он шел, не пригибая головы, что-то сказал солдатам. Солдаты дружно захохотали; смеющиеся, скуластые лица поднимались к нему, тоже говорили что-то смешное. Еще с остатком улыбки на губах, не глядя на хрипящего Беспалова, Катаранов подошел к Резцову.

Улыбка была на губах, но глаза смотрели невнима-тельно, и за ними чувствовалась

упорная дума. Упорная и тяжелая. Было неловко и грустно смотреть на него.

— Что это вы такой? — рассеянно спросил Катаранов.

— Какой?

— Голова, что ли, болит?

— Да разбалливается от чего-то.

— Легли бы, поспали. Я вам бурку пришлю... Ребята, кому спать охота, спи, пожалуйста, сейчас! — обратился он к солдатам. — А ночью, если кто спать будет, тут же все зубы выбью... Дай посижу с вами... Подвинься ты, болван!! — рывкнул он на Матрехина. — Мало, что ли, места тебе?

Он подвернул под себя полушубок и сел тесно рядом с Резцовым. Перед ними была серо-желтая стенка окопа. Оба молчали.

— Жалко Беспалова, хороший был солдат, — равнодушно заговорил Катаранов.

И вдруг губы его задергались, искривились, как у маленького мальчика, и слезинки запрыгали по редкой бороде. Он поспешно оперся локтем о колено и закрыл рукою лицо от солдат.

— Ничего! «Умереть в окопах — это значит

одержать победу»... У-у, с-сукин сын!.. — Катанов смаргивал слезы, а его тонкие губы злобно кривились и растягивались. — Вы еще мало видели в бою нашего солдата. Какие молодцы! На смерть идут, как на работу, спокойно и без дрожи... Русский человек умеет умирать и будет умирать, но, — господа! Дайте же, за что умереть!..

Он ближе придвинулся к Резцову, чтоб не слышали солдаты, и, с страдающею ненавистью в голосе, зашептал:

— Знаете вы про дела нашего полка на Шахе? Шли мы на деревню без разведок, без артиллерийской подготовки. Господин полковник, Дениска наш, вбил себе в голову, что деревня пустая стоит. Проезжий казачишка пьяный, видите ли, сказал, — как не поверить? И шли мы в атаку с *незаряженными ружьями*. Офицеры верхом... Япошки подпустили нас, да сразу и ахнули, — из ружей, из пулеметов. Боже мой, что было!.. Восемьсот человек легло. Дениска наперед всех ускакал... Мы ждали, его отдадут под суд, — какое! У корпусного в реляции это вышло так великолепно: «При атаке легло восемьсот чело-

век»... И Дениска получил золотое оружие!.. А командир Ромодановского полка — умница, дельный — почти без потерь взял три укрепленных деревни, — корпусный не подал ему руки! — «Отчего у вас так мало потерь? Вы — трус! Вот слесарцы восемьсот человек потеряли!..» И никто из его полка не получил награды... Знаете вы все это?

— Знаю. — Резцов слабо улыбнулся и вполголоса про-пел:

Один полковник умный был,
И тот немилость заслужил:
Убитых мало!..
Убитых мало!..

— И это знаете... — Катаранов охватил руками колени и угрюмо задумался.

Тучи уходили, проглянуло солнце, но ветер дул, и было холодно. Беспалов все хрипел и метался под наброшенным на него полушубком; его вздущееся лицо было теперь почти черное.

Катаранов глубоко вздохнул и покрутил головою.

— Тяжело мне! Ох, как тяжело!.. Пошли у меня в по-следнее время разные мысли, нет от них нигде места. Ничего мне теперь не надо, ни о чем я не молюсь — пусть будет, что будет... Недельки две назад рассказал мне адъютант из штаба корпуса... Видите, вот перед нами, за речкой, японская сопка; укрепле-на она, — не под-ступишься, форменная кре-пость. Так вот Соболев, кор-пусный наш, изо всех сил выбивался на военном совете, дока-зывал, что непременно нужно ее взять в лоб. — «Это, говорит, стратегический ключ. Придется положить десяток тысяч, но что же делать? На то и война!..» Десяток ты-сяч! А по-чему ему это нужно? Перед сопкою какой кор-пус стоит? Наш. Если сопку возьмем, как ее назовут? Соболевскою. Путиловская сопка есть, будет еще Собо-левская...

Резцов слушал насторожившись. Катаранов, перед кото-рым он так еще недавно благоговел, теперь колебал в нем то, что для Резцова было основой всего их дела: не кри-ти-ковать, не копать в распоряжениях, а с бод-рою верою делать то, что приказано. Враждебно глядя Катаранову в глаза, он возразил:

— А может быть, это вправду необходимо. Как мы можем рассуждать? Разве мы знаем их планы?

— Нет, не знаем. Может, и необходимо! Уехал тогда адъютант, я это и сам подумал. С чего ему было верить? Баронишка, болтун и враль... А я вот поверил. Стой, по-чему? И пошли у меня мысли. И увидел я, что давно уж оттуда не жду ничего, — только глупостей и пакостей. Мо-жет, нечаянно что́ и хорошее придумают, да нет уж ве-ры... Голубчик, вы только подумайте в своей голове: вот, сидим мы в этой чертовой мышеловке, мерзнем; вот солдат умирает, — золото-солдат, цены ему не было... Что та-кое? Для чего? Какой смысл? Ведь и вы, и я, и солдат, всякий знает, что смыслу нету. Что же это такое? — Под-няв брови, Катаранов удивленно осматривался, как будто только что проснулся в незнакомом месте. — Ведь это все кругом люди, не мешки с песком. Взяли, ткнули сюда, говорят: «Не рассуждай»... О, господи! Приди сейчас сюда Скобелев, скажи: «Капитан Катаранов! Поднимите роту и тихим шагом, сомкнутою колонною, идите вперед!» — и поднял бы и по-

вел бы... Всю бы роту уложил до единого человека, сам бы умер, — с блаженством, с восторгом бы умер. Верил бы я, верил, что это так нужно, что наше дело не рассуждать, а умирать. А теперь, — голубчик! Нету этой веры. Мы, как бараны, умираем, наверху сидят, реляции пишут. Для этих реляций мы и умираем...

Резцов холодно и враждебно смотрел на него.

— Просто вы устали и изнервничались, — пренебрежительно сказал он. — До сих пор были неудачи, вы и упали духом. И у Скобелева бывали неудачи, и он делал ошибки. Только тогда офицеры наши не ныли, а делали свое дело, и все было хорошо. А мы только критикуем и рассуждаем о том, чего не знаем.

Катаранов с колючею, злою усмешкою слушал. И в этой усмешке Резцов почувствовал, что Катаранов с вызовом рвет свое прошлое и что они теперь враги.

— И в самом деле, чего тут рассуждать! — ядовито протянул Катаранов. — Нашего ли это ума дело? Умишко у нас плохенький, ар-

мейский. Ясное дело, для кого стараемся, — «для отечества!»...

Убитых мало!..

Убитых ма-ало!.. —

фальшиво пропел он, нелепо оттягивая нижнюю губу. — Верьте, мальчик, в начальство, верьте, что и тут япошек разобьем, и Порт-Артур удержим, и балтийскую эскадру доведем...

— Прежде всего, господин капитан, я вам не «мальчик»! — крикнул Резцов, вдруг краснея и выкатывая глаза.

Глаза Катаранова вспыхнули весело и задорно, но неожиданно потухли. Как будто он был на какой-то серьезной, жутко-тихой высоте, с которой все казалось пустяками. Он мягко улыбнулся и положил руку на рукав Резцова.

— Голубчик, не сердитесь! Верно — не к чему все это было говорить... Ну, прощайте, я пойду. Спите, пока светло. Я вам бурку пришлю. И не сердитесь... Хороший мой!

Катаранов встал и потопал озябшими но-

гами.

Солдаты, скорчившись на дне окопа, угрюмо дремали. Беспалов перестал хрипеть, его застывший труп был с головою покрыт полшубком. Бородатый солдат в башлыке, втянув голову и странно высоко подняв руки, мрачно и сосредоточенно устанавливал на бруствере свой котелок, — устанавливал и никак не мог установить.

— Андреев!! — грозно крикнул Катаранов.

Солдат в башлыке повернул на окрик свое озябшее, посинелое лицо. Катаранов молча и выразительно смотрел ему в глаза. Андреев тоже молча смотрел и медленно мигал. Резцов понял: он нарочно выставлял руки над бруствером, чтоб получить в них пулю.

— На полпенсии захотелось? — спросил Катаранов, грозя пальцем.

— Ни-икак нет!

— Смотри у меня! Будешь ранен, — прямо под суд отдам!.. Садись!

Андреев медленно опустился на корточки. Катаранов пошел на свой конец. Вокруг его папахи зажужжали пули, — Резцов слышал их, — но Катаранов шел, как будто нарочно

не пригибая головы. Резцов морщился и закусывал губы, и следил за двигавшеюся папахою, пока она не исчезла за изгибом люнета.

Вдруг все ему стало противно. Все кругом было серо, скучно и глупо. Погас огонек, освещавший изнутри душу. Холод все глубже вбирался в тело. И болела голова. И стыли неподвижные ноги.

Катаранов прислал бурку. Резцов подобрал ноги под полушубок, покрылся буркою и, нагнувшись на лицо папаху, прислонился к стене окопа. Он сердился, что нет в душе прежней ясности, он не хотел принять того, чем был полон Катаранов: с этим здесь невозможно было жить и действовать, можно было только бежать или умирать в черном, тупом отчаянии.

И ему вспомнилось, как месяц назад они шли в пред-рассветных сумерках в бой, как под лопавшимися шрапнельями весело и задорно светились милые глаза Катаранова. Их рота дерзко пробралась почти в тыл наступавшим, захватывало дух от жуткой радости, и вдруг под неожиданными залпами одной их роты побежали на-зад наступавшие бата-

льоны. Тогда было хорошо и светло.

—

Когда Резцов проснулся, был вечер. Справа, над ро-щею, блестел тонкий серп молодого месяца, запад све-тился прозрачно-зеленоватым светом. Загорались звезды. Было тихо и морозно.

В сумраке темнели неподвижные фигуры солдат. Пону-ренные головы в папахх при-слонились к холодным шты-кам, лица были угрюмые и ушедшие в себя, со скрытыми, неведомыми думами. Неподвижно лежал труп Беспалова. За изгибом люнета, невидно для Резцова, протяжно охал новый раненый.

Резцов кутался в полушубок. В сонном мозгу было ощущение тепла внутри тела, и желание покоя, и любовь к себе; чувствовалось, что страшно, невыразимо-страшно сидеть в этом одиноком ровике под стерегущим взглядом смерти. И была грустная любовь ко всем, потому что так хорошо человеку ощущать безопасность кругом и тепло-ту внутри себя, и так хорошо бы сладко вытянуться под теплым мехом, расправить отекавшие ноги и чтоб

сонный мозг опять погрузился в теплое, бездумное забытьё.

И звезды в зеленоватом небе сияли тихо, ясно. Чело-веческие жизни, ясные звезды — все равно. Каждую ничем нельзя заменить, каждой нет цены. Если только любить себя, то это так легко почувствовать и понять! Кругом хо-лодно, темно, людям нужно бы жаться друг к другу. А они все, сами застыв от холода, высматривают из-за насыпей, как бы всадить друг в друга пулю...

— Ваше благородие! Ваше благородие!

Дрожащая рука сильно трясла Резцова за плечо.

— В чем дело?! — Он быстро вскочил на ноги.

— Ротного убило!

Взволнованно двигались спины и затылки под папахами, солдаты теснились к середине люнета, напирали друг на друга и вытягивали головы. Новым, твердым и властным голосом начальника Резцов крикнул:

— Куда поперли?.. По местам!

Солдаты отхлынули. Резцов пробрался на середину люнета. Катаранов полусидел на

дне окопа, прислонив-шись виском к мерзлой стенке; во лбу над глазом чернела круглая дырка, кровь струилась по щеке и бороде. Он внимательно следил за подходившим Резцовым. Глаза ясные и тихо-задумчивые.

— Федор Федорович!.. — обрывающимся голосом воскликнул Резцов.

— Вправо... за могилками... опять... японский... сек-рет...

Катаранов говорил свободно, но необычайно-медленно, равномерно растягивая звуки. Сказал и замолчал, и смотрел, как будто все еще задумавшись. Но глаза под пробитым лбом становились стеклянными и мертвыми.

Резцов с настойчивым, жутким вопросом вглядывался в эти глаза. Они не дали ответа.